

тесъ, что опростились, столярничаютъ... какъ вы мнѣ отвратительны со своимъ фарисействомъ новымъ!“ ..

Такъ толстовство въ художественномъ освѣщеніи Толстого оказалось гораздо блѣднѣе своихъ противниковъ, и отъ прикосновенія эстетическаго реактива проявились его отрицательныя стороны.

Даже такія страницы, какъ „Послѣ бала“, — страницы, которымъ очень грозила опасность гражданскаго поученія, даже онѣ все-таки избѣгли ея и, конечно, именно этимъ-то и способствовали усилению гражданскаго эффе́кта. Искусство тогда поучаетъ, когда оно объ этомъ не думаетъ. Такъ ужасающе-выразительна сцена съ шпицрутенами, но она не выставляется напередъ своимъ кровавымъ курсивомъ; и контрастъ бала и послѣ бала говоритъ самъ за себя, а не говоритъ о немъ предумышленно писатель. Злое содержаніе разсказа, его жестокая фабула даже отступаютъ передъ болѣе важнымъ, болѣе существеннымъ — передъ личностью и судьбою рассказчика, этого милаго Ивана Васильевича, который вовсе и не осуждаетъ полковника и только отказывается понять то, что, очевидно, понимает и знаетъ послѣдній, коль скоро онъ такъ увѣренно гоняетъ сквозь строй истерзаннаго человѣка. Именно съ обликомъ рассказчика, съ его душевнымъ настроеніемъ и не столько съ общественной, сколько съ психологической правдой органически сливается та идея этого произведенія, что дочь виновата за отца, или что она стоитъ съ нимъ подъ общей